

УДК 821.161.2-92

**ПСИХО-ВОСПРИЯТИЕ ТЕЛО-ОБРАЗА:
ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЙ ПОСЫЛ ДРЕВНЕГО АВТОРА**

Ципко А. В. (Киев, Украина)

В статье рассмотрены особенности конструирования коммуникативной и знаковой формы в тексте произведений книжников киево-русского периода. Ними использовано космологическое видение как культурно «живой» художественный субстрат для изображения «тело-движений» лиц-участников основных событий на Руси того времени. Этот суб-

страт предоставлял почву для создания особой образности в словесно-художественной «телесной явленности» в древней русской словесности.

Tsipko A.V. (Kiev, Ukraine). PSYCHO –PERCEPTION OF THE BODY-IMAGE: PARADIGMATIC MESSAGE OF THE ANCIENT AUTHOR

The article is devoted to the peculiarities of informative sign, constructed by ancient rusical authors. They used cosmological substratum as cultural living material and literature forms for imagination of body-action of famous persons in the Kyivan Rus history. The substratum performed the basis for specific artist body essential (tilesnist) in the imagination of ancient Rus literature.

Телесность в письменной словесности – это удерживание связи с древнейшим (прежним) временем, где космогоническое восприятие являлось моделированием памяти и включенности в изначальность бытийного «изложения» мира. Иначе не могло и случится, так как и космогония (изначальность), и космология (восприятие) существа мира и миропорядка – здания-строения – не последования, а взаимоистекающие и дополняющие повествования. Космология посредством телесности расходуется (расплывается) члено-представленностью мира – тела в космогоническом источниках знания. По этой причине и само слово как в дописьменной проявленности, так и в письменном запечатлевании является тело-облеченным – тело-явленным.

Космогоническая видимость тела не исключена и из состава слова и словесности книжной. Но в этом случае появляется иное тело-водительство. Преобладающее – направляющее сило-действие возымевает Душа как сосредотачивающее вместилище мировой силы – космологического перетекания. Совершенно ясно, что в подлинном основании модели тело-действия закладывается космогония как издревле являющаяся схема моделирования мира и человеческого включения в нее. Прежний экспансивный дух, движущий телом, становится водимым Душой при господствующем со-участии в тело-действиях от нее же. Она – голос Всемирного созвучия в человеческом теле во время Слова книжного. Поэтому и тело-действенность в образоявленности, творимая книжниками, – это сочетательное со-движение Души и тела. Во множестве случаев именно неусыпная Душа становится причиной – деятелем явственности «некостности» тела и его движительных проявлений. Именно тогда художественный образ книжного творчества становится немеркнувшей господствующей высотой художественной картины, воспроизводящей человека как миропроходца, а не всюду не принятого чужестранца.

Художественное видение книжников воспроизводит несколько тело-действий, в основании которых несомненно лежит космовосприятие, где смыкаются после семантической растяженности космогония и космология как начальное и показывающее созидательного проистекания. У них и Душа и тело в симфонии прочувствования (первая) и содеяния – как итог прочувствования (со стороны первой) и включенности действием, исходящим от второго – тела. А их действенное сочетательное проявление имеет несколько выразительных художественно-образных доминант. Это и княжеское тело – образы с градоутверждающей, градозидущей моделью делания – творчества. В княжьем городе космологически явленная модель власти изводится из обще явленного миропорядка. Это и чернеческое подвижничество с молитвенным миростяжанием (внутренним космосозиданием) в охранительных стенах монастыря как модели, уподобленной доспехам мира и тела (настоящего и духовного) у человека. Среди этих же как обобщающая и важнейшая для всех также и художественная модель делания мирского человека – его путевая телесность, где каждый шаг и прочувствован и

пережит. Мироздание и его художественное во-ображение в книжной словесности производно также является космогоничным. Но художественно-образная космология пространства Слова книги в наивысшей степени освящена. Это пространство необычайно, его существенность – сакральность.

Возвестителем «нашего» подвижения в теле в литературном начатии выступает, безусловно, митрополит Илларион Киевский. В его творчестве проявляется существенность двух тел – тела города и тела градожителя. Град телесный у него – это Киев, стольный он, и формой определяется как глава. И в этом видится не только метафорика всеобъемлющего художественного смысла. Подлинно Киев – возглавитель всего протекающего на Руси. Киев – не только глава телесная всему земному руському телу, но и духовное возглавие. У него и свои определители «главизны» – это церковные сооружения, золотящиеся в стенах града. К существенности рассматриваемого следует заприметить и тот факт, что золотая атрибутивность как художественно-мысленная направляющая обще осознания происходящего на Руси, является категоризацией определяющего толка. «Положил еси на главах их венцы от камене честных», – воспето в Псалтири. «Камени» честному наибольшая честь «лежати» в злате. Поэтому в Киеве определяется атрибутивность золота как формопроявления сущностной силы власти. Но не столь правящих «человек», сколь самого место-совершения правления – телесного града. Им то и становится по определению тогдашнего бытия Киев. Его телесная бытийность, раскинувшаяся на холмах, утвержденная космогонической мотивацией древности, совершается видимой телесностью гор. Гора – формообразующая часть космологического существа. Ведь именно горы (холмы как семантически-вариативный модификат) повествуют в древности о завершенности космогонического действия и включенности совершимо и совершенного в схемо-образ космологии. Киев телесно также утверждается на горах – происходит или же исходит от гор. То есть всецело схема мирообразования – мироздания утверждена в его образности в соответствии с космологической моделью. Горы, на которых «возсият» множество церквей как место будущего Киева, благословляет апостол Андрей согласно «Повести временных лет».

Киев – глава телу «человеков». Его же тело – тело города – возглавие и не только лишь образоявленное – церковный и княжеский образ – то есть чин устроения. Великая, всекоренящая идея домостроительства показывает свое образо-сущностное присутствие в пределе (в самом теле) города Киева – тела-града. Во многом в Киеве прослеживается и царская атрибутивность, соотносящаяся с царьградской «материей-порфирой» Константинополя. Но по-своему особенно довлеющая, не стремящаяся во всем наследовать Царьград. И по этой причине в художественном образе тела Киева имеющая особенную семантическую выраженность. Царскость титульная заменяется на семантически со-образующуюся в теле города Киева княжескую полновластную сущность. Единый лишь для византийской традиции город царский – Царьград (Константинополь). И эта значимая непоколебимость остается несокрушительным действительным признанием и для болгар (хотя для них часто со многими поражениями в противостоянии за царскость с греками), и для сербов, а также и для русских в Киеве. Но семантичность царскости, имеющая свою обобщенную представленность в злато-семантике, у каждого проявляется по-своему. При этом же семантическая осуществимость золото-проекции как смысло-определятеля становится основательным присутствием в культурном бытии Киева и Руси.

Киев как тело-образ возображают, а в отдаленном просмотре – прообразуют его золотые главы. Особенно глава (возглавие) Михайловского Золотоверхого мона-

стыря. И в этом заключается видение и семантическое осуществление монастыря как строения (присутствия) в теле города. В сущности, еще одной особой телесной осуществленности в городском теле. Так как монастырь не только часть города, но и сам в некотором роде является малым городом. То есть в этом случае видится уже модель города, где в монастыре показана его объемлющая и сохраняющая телесность как строения, но прежде всего конечно же – духовная защита. Это сохраняющее делание семантически и образно проявляется в защитной (уподобляющейся по форме тела – телесности) кольчуге. Кольчуга – воинская защита. Но монастырь – духовная кольчуга, охраняющая тело града. А в случае с Михайловским Золотоверхим монастырем является особая сущность соединительного действия телесности земной и неземной силы (тоже, как будто, образной «телесности»). Ведь монастырь посвящен (преукрашен – является земным украшением) небесной славе возглавителя ангельского воинства – архангела Михаила, киевского княжьего покровителя – соделателя и вспомогателя в подвиге ратном. И телесность монастырская обоюдная – двусоставная – соборные каменные стены, пребывающие в теле града. Но и также духовная сущностная «телесность», так как и собор, и монастырь посредством олицетворения показывают явление иной телесности – ангельской – «безплотная». Все это особым образом переносится и на подвиг монастырских жителей – чернецов. Ведь и они, как и сам монастырь (олицетворенно называемый святой Михаил), ангелоуподобляемы – телом «безплотная» – ангелы во плоти. Но начально в книжном творчестве такой образ был воспет соотносительно с пророком Илией как тело-представителем земных среди небесных. Так как он был одним из тех, кого небеса восприняли с его земным телом.

На теле собора – «святом Михаиле» почивает, как упоминалось об этом, и часть небесной славы, выраженная в образном (присутственном) облачении, но семантически крепимая небесной сущностью. Это прежде всего – златолавие собора, утвердившее небесную злато-сиятельную атрибутивность в Киеве. И это одна из особенностей Киева – града-тела – его золотой венец. Ведь и сам гордый Царьград не имел такого внешнего видимого образного обличия. Его золотая атрибутика – глава императора, венчанная золотым венцом. А сам город хранит свое золото сокрытым в его стенах – внутри церковей и палат. Киев чуть ли не первый и не единственный в то время возымел златое возглавие над своим телом. И в этом вся его сущностная особенность – царственность и величие, которые и приличествуют ему как граду начальному. Но показательны ее черты именно в глубинной сущности – неземной проявительной царственности, атрибутирующей в равнозначительном царскости золоте на головах правящих лиц. В высшем смысловом поле проявленности соотносимых с небесным владычеством. Потому то Киев одним из первых воссиял Златой главой над своим телом.

С частью тела, тоже космогонически значимой и утверждающей, – ногой (стой) соотносится с целым корпусом руськой паломнической литературы. В украинской традиции этот подвиг путешествия назван «проща» и определяет весь собирательно-зиждимый смысл паломничества. Ведь слово «проща» и вмещенное им понятие связано с церковнославянским «прости» – от «прост», призывом, звучащим во время литургического служения, – «Премудрость прости». «Прости» близко состоит с сохранившимся и теперь в украинском языке словом, которое значением связано непосредственно с телесностью, – «выпростатыся», то есть выпрямится и полным настроением тела готовым к какому то деланию. А само слово «проща» имеет также связь со словом прощение – особым духовным подвигом и деланием, требующим такого же особого и настроения Души и состояния тела. Такова и суть паломничества – его во-

дящие слова – призыв от литургического служения – «Премудрость прости» – выпрямись и приготовься, настройся на иное делание, богодухновенное и святоподобное.

Само паломничество – это не только перемещение тела в пространстве, но и приближающее путешествие на колеснице времени. А в тоже время, и горнее путешествие, горнее восшествование, в подобие Илии пророку. Потому и дорога паломников, пролегающая по земле, все равно является горне взметающимся путем.

Основное средоточие путешествия паломников издревле – это хождение в Иерусалим-град. К «пупу земли», который и находится в нем, ходили, как утверждают, вторя услышанному в Иерусалиме и на пути к нему, паломники, а вместе с ними и русский паломник XII века, оставивший свои путевые записки, игумен Даниил [1, С. 409 – 41].

В Иерусалиме-граде является совокупность небесно-земной телесности. Так как приходящие в Иерусалим образно приобретают особую форму сочетательной телесности, укрепленной в небесно-земной модели града. Ибо пребывающие в Иерусалиме, становятся как бы образующими Небесного града – Иерусалима горнего. Путь паломника, опростившегося в помыслах и в дальнейшем только единоделательного путешественника ложится как последовательность шествия – восшествия от Иерусалима земного к Иерусалиму небесному. Космогоничность самого путешествия определяется шагами, совершаемыми паломником. Известна особая семантическая в космогоническом следовании ноги и ее образо-части, остающейся в отпечатке стопы-следа. Украинская пословица, восходящая к паломнической древности по своей сущности, так как именно в домонгольское время был наиболее численным поток прочан-паломников гласит: «Хто в Ерусалыми побував, тому Господь слидочки посчитав (или вариант – попысав)».

Особым телом народным предстает Русь пред очами мира в «Слови о закони и благодаты» митрополита Иллариона Киевского. Образный возглавитель «Слова» тоже значимо выделен у древнекиевского автора. Это князь Владимир, которого уже нет «телом телесным» среди присутствующих у Золотых ворот и надвратной Благовещенской церкви, но глава честная его зрит очима мудрыми с небесного града на предстоящих у тела града, обретающего доспехи – и стены защиты, и въездные ворота Золотые. Сам же митрополит Илларион как будто сразу лишь один замечает присутствие князя, и с ним одним, словно отправившимся в отдаленное путешествие, и возвратившимся с дальней и длительной отлучки, и беседует [2, С. 188].

Но видит Илларион-митрополит князя, многое замечает и как бы памятуя и соотнося памятное, лишь частью воспроизводит его в беседе. Видится Иллариону честная глава князя Владимира, к которой говорящий митрополит и держит обращение. «Востань честная главо», – возглашает он к князю. А призыву Иллариона ведь далеко не лететь. На самом деле, князь почил после своего отшествия в пределах построенной им Десятинной Богородичной церкви в Киеве. Там и его честная глава, очи которой невидимо усматривают с высоты предстояния и собравшихся в совершение освящения и само совершаемое действо.

Но и сам Илларион предстает пред князем как припоручитель о «целости» (здравия) тела и Души всех собравшихся. Князь же является в особом теле, не зримом для присутствующих, но зрящем и видящем. А Илларион становится водителем князя по граду и указывает князю на те особые дела, от Души содействия совершенные в теле града Киева. То есть показывает то, к чему прикоснулся телесно каждый личным собственным участием. Каких добрых дел насвершал и не посрамил ли каж-

дый князя Владимира своим прикосновенным со-участием к начатому князем Владимиром делу нового домостроительства – устройства тела града. Ведь тут и князь Ярослав, который Владимирова «недоконьчанная доконьча», и его жена Ирина. И за всех них с достоинством пастыря предстоит митрополит Илларион, указывая на них как своих пасомых и чад духовных именитому гостю князю Владимиру.

Владимир пребывает в особой «почести». Он – его тело (мощи) лежит в Десятинной церкви. Но митрополит Илларион возводит его в прежняя, пробуждает от сна, в котором тот блаженно пребывает, и выводит его, ставя в предстоянии пред народом. В словах Иллариона ощутимы несколько культурно-семантических последований, очерченно зиждимых на культурном основании древности, соотнесенной с телесностью. Это семантичность блаженного почивания – лежания по отшествии (успении князя Владимира). К тому же призывание его как первопредка (святого отца) к молитвенному предстоянию (стояние пред Вышним престолом) в охранном стоянии за народ («цело-здравое» пребывание Души и тела народных). А также в глубинной семантичности показано образо-действие (а по сути чинодействие) князя в его общем смотреии града и народа. Исходя из той же древней семантичности, князь и смотритель, блюдуший интерес Руси, и усматриваемый как представитель – гражданин от народа русьского – насельник Вышнего града.

Особая семантичность художественной формы видения вводит князя в общество его помнящих. Он как бы является всему собору – всем собравшимся. Они всеобщими очами «лицезрят» указанного митрополитом Илларионом князя Владимира – княжье предстояние и явленное видение князя в тамошней жизни. И тут совершается всеобщее почитание князя и его памяти – великая слава (прославление) княжьего житийного подвига, равнозначно же и представленной митрополитом Илларионом «телесности» – честной главы князя. Собором именитым почитается все то, к чему водимо прикоснулась и рука князя – его направляющая десница. А от всего собора Митрополит Илларион произносится слава и тогдашнему положению князя (его тела) – лежащему в почитании во блаженном успении посреди града Киева. А также всем телесным появлениям – чино-действиям князя Владимира жизни – всем его телесным «состояниям». Это и «стоянию» во главе чина власти, и «сидению» на великом княжьем столе властедержания, а по отшествии – «положенное» в Десятинной церкви, и «предстоящее» престолу Вышней славы (молящийся за ны), и соучаствующее «посреди стоянием» «возставшей главы».

В древне учительном восприятии книга является тоже своеобразно телоподобленной. А само слово, кроме того, что в языке показывает единство с телом (настоящем, подлинном) в образном проявлении (обличении) является птицей. На этой почве появилась и пословица, гласящая в противопоставительном расположении: «Слово – не горобэць, вылэтыць – нэ впиймаеш». И хотя слово в ней видится не совсем телесным. Так как говорится, что оно – не воробей, но его «телесная» – птичья природа таки улавливается. Ведь слово тоже летит, уподобляясь птице. Слово также пребывает в особых формах телесности – тело-образуется, тело-появляется и тело-проявляется.

Особая тело-явленность в обстоятельствах злодействующих присуща златоустовской представленности в византийском и русьском творческих началах. Искушаемый Иоанн Златоуст по-особому одаряет в чудесах слово телом, записывая его не обычными чернилами в теле книги, но золотом – царской и небесной сущностью. Также и уста его золотом облакают слово, потому и слово его стало «красно» для слушающих

во веки. А украшение слова – венчание его статусной красотой обратно так проявляется в золотой атрибуции. Все исходящее из уст Иоанна, архиепископа Константинопольского, превознесено до высот. Все слова его – господственны как слова перво-святительские – златы.

Особой телесностью в житии и по отшествии от «мира сего» награждаются киево-печерские чернецы. Первоподвижником – воином душе-телесной брани в обстоянии «вредящих» (в ночи и во дни приходящих – духовной вражеской силы) является преподобный Антоний.

Вторым же за ним стал игумен Феодосий. Именно Феодосий тело-является после своего отшествия от мира для чернеческой печерской братии, и для приходящих из ближних и дальних земель для испрашивания благословения. Его тело – мощи открывает Нестор Летописец [3, С.20–27]. Антоний же так и остается телом-утвердителем обители, не явленным для открытого почитания. Его тело – мощи чудо с появившимся огнем, не допустившее их открытия, оставляет в Ближних пещерах монастыря. Тогда как тело – мощи игумена Феодосия износятся из пещер – места чернеческого земного подвига игумена, и полагаются в Великой Успенской монастырской церкви. Нестор словом запечатлел все тело-действия Феодосия, движимые от вождения доброго Духа. Обо всем житийном – подвижническом повествует житие Феодосия. Но и по смерти «движение» (несение) в мир, в Великую церковь мощей (тела) игумена Феодосия так же запечатлевается благочестивой памятью [3, с.78 – 80; 84 – 86]. А место остановки при перенесении тела-мощей старца-игумена монастырская братия знаменовала церковь, названной в честь святого игумена.

Для знаменования – прикосновения к телам печерских подвижников в веках растянулась паломническая череда, разносящая во все дальние и ближние земли славу «тела» – мощей, по смерти полученную за заслугу всякого доброделания в сосредоточении – стяжании – в общем союзе тела и Души. Но во множестве случаев, как повествует Патерик Печерский, во злых обстоятельствах. Для печерских подвижников и для их наследующих – почитателей-паломников, а также для пополняющихся доброй житийской мудростью, от принесенной паломнической вести на местах, словами вождения были говорящие о том, что вредящая телу, души же не могут.

Но в «живой памяти» каждое состояние тела воспринималось как космологическое видение. Все телоприкосновенное (телодвижимое) – космологично – памятно миру (отображено в мире) – добро ли это в действиях или же его (добра) противоположность.

Литература

1. Порфирьев, И. История русской словесности. – Ч. I. – Казань, 1886. – 724 с.
2. Материалы международной церковно-исторической конференции, посвященной 1000-летию крещения Руси. – К., 1986. – 198 с.
3. Киево-Печерський Патерик (вступ, текст, примітки Д. Абрамович) – К., 1931. – 278с.